

Михаил
ЮРИН

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей строки воспоминаний поэта и прозаика Михаила Юрина из его книги «Записки подававшего надежды», увидевшей свет в издательстве «Молодая гвардия» в 1931 году.

Книга эта забыта (с тех пор не переиздававшаяся), да и само имя современника С. Есенина мало что говорит сегодня читателям русской словесности.

Мне же о Михаиле Юрине и о том, что он встречался с С. Есениным, поведал недавно скончавшийся поэт Михаил Маркелович Скуратов.

«Где я родился (в 1894 или 1895 г.?) и кто были мои родители... Обо всем этом умалчивает источник моего происхождения, но суть не в этом, главное — родился, живу и чувствую» — так начинал рассказ о себе Михаил Юрин.

До 14 лет он жил в деревне, был пастухом. Позже слесарничал на Грозненских нефтяных промыслах, работал в Самарском губнаробразе, где и вышел впервые со своими стихами перед аудиторией Дома печати.

Летом 1921 года М. Юрин перебирается в Тифлис, где произошло его знакомство с Сергеем Есениным. М. Юрин печатался в тифлисских изданиях и в московских журналах «Молодая гвардия», «Октябрь», «Новый мир», «Комсомолия». Ко времени встречи с гостем Тифлиса, а произошла она 25 или 26 октября 1924 года, у М. Юрина увидели свет книги стихов «Родной гам» и «Маки».

Строки о С. Есенине написаны, как свидетельствует сам автор, по просьбе Николая Тихонова.

Ю. Юшкин

ПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ ДЕРЕВНИ

В августе 1924 года я узнал, что в Тифлис приехал Вардин, который, как известно, был нашим литературным вождем. Вся наша ВАППовская молодежь очень любила его. Остановился он в гостинице «Ориенталь».

И вот в один из вечеров, отобрав несколько лучших номеров нашего журнала «Красные Восток», я отправился к нему, чтобы поговорить о дальнейшей нашей работе, о литературных перспективах, чтобы, так сказать, представить себе вождю, а если удастся, то и заставить его дать для нашего журнала небольшую статью.

Я поднялся на второй этаж и постучал в дверь номера, из которого послышался довольно внушительный голос:

— Да, войдите.

Вхожу. В номере полутемно, налево от двери большой стол, на котором навалены книги, газеты и разная мелочь. В комнате я застал несколько человек. Среди них мне бросились в глаза седой, но бодрый старик-грузин, очевидно, отец Вардина, и какой-то молодой человек в пальто и шляпе, который сидел спиной к окну, уткнувшись в мягком кресле, и сосредоточенно водил тростью по полу.

Я вошел робко, поздоровался и замер у порога, растерявшись от обилия людей, находившихся в комнате. Я был начал извиняться и думал уже уходить, но Вардин так тепло, по-товарищески встретил меня, что я решил остаться, передал ему принесенные для него журналы. Вардин представил меня сидевшему в кресле человеку как молодого талантливого поэта, работника литературно-художественного комсомольского журнала и руководителя местной литературной молодежи.

Все это я принял как должное и поднял выше голову, но когда Вардин пояснил, что передо мной — поэт Сергей Есенин, я вдруг так смутился, что не мог выговорить ни слова.

Есенин был в сером костюме, в се-

Начался отсчет дней юбилейного, с того года со дня рождения Сергея Александровича Есенина. Отдавая дань памяти гениальному сыну России, наш еженедельник начинает «Есенинские чтения». «Литературная Россия» предполагает печатать на своих страницах ранее не публиковавшиеся или малоизвестные мемуары современников поэта, посвященные его жизни и творчеству исследования и другие материалы, несущие новое слово в науку о Есенине.

Мем. Россия. — 1994. — 7 окт. — с. 14—15.

ром демисезонном пальто и в серой шляпе. Лицо как следует рассмотреть мне не удалось, потому что на него падала густая тень.

Стихи Сергея Есенина я читал, но в то время мы, работники мест, были литературно очень мало развиты и находили многие стихи Есенина слишком слабыми. Конечно, у Есенина есть слабые стихи, в особенности раннего периода его творчества, но тогда наша оценка объяснялась тем, что мы просто плохо разбирались в поэзии и, кроме себя, поэтами никого не признавали.

— Подумаешь, Есенин... Старый поэт, барчонок, кулак, читал царские свои стихи... Вот мы — это да... Пролетарии от станка и т.д.

В то время такие разговорчики можно было слышать очень часто.

Есенин, слушая Вардина, плавно покачал головой, а когда тот кончил, скупно проронил:

— Ладно, мы еще поговорим...

Я немного осмелел. В этот же день или днем раньше в «Заре Востока» были напечатаны его «Стансы», и мне очень хотелось спросить у Есенина, что значит это слово.

Я уже что-то пробормотал по этому поводу, но Есенин, видимо, был занят другим, ответил как-то уклончиво и попросил меня зайти к нему в номер завтра. Я распрощался с ним, а Вардин, провожая меня, предупредил, что парень больной и что за ним нам, молодым писателям, пока он в Тифлисе, нужно последить, нужно создать хорошую атмосферу для него.

«СКУЧНО, ВОТ И ПЬЮ»

На следующий день я снова зашел в «Ориенталь». Не успел я вступить на лестницу, как из парикмахерской вышел Есенин. Лицо у него было опухшее, бледное. На щеках и на носу клочьями лежала пудра.

Есенин шел в редакцию «Зари Востока» и предложил мне пойти вместе с ним. Дорога прошла у нас в оживленном разговоре.

Я скоро почувствовал себя с Есениным совсем легко и запросто стал называть его Сережей.

По дороге Есенин просил меня прочитать ему одно из моих стихотворений, и я прочел «А.С. Пушкину», которое начинается так:

Мой век — не тот, к чему таить,
Покрой есенинский мне узок...

Ему, очевидно, очень понравилась такая дерзость, потому что все стихотворение он прослушал с большим вниманием. Мы даже прошли редакцию, и когда я кончил читать, Есенин как-то особенно живо отозвался:

— Хорошие стихи, только длинноваты... Поработайте над ними...

Я смотрел ему прямо в рот, молча соглашаясь с ним, а у самого в голове вертелось: «Как бы это побольше выудить от него...»

Есенин, почти скороговоркой, продолжал:

— А строчки: «Мой век — не тот, к чему таить, покроем есенинский мне узок» — определенно хороши...

Я был удивлен тому, что эти строчки он прочитал почти без запинки и не переспросив у меня ни одного слова, а ведь стихи были прочитаны мною на ходу, да еще в уличном гаме.

Мы утонули в редакционной сутолоке, и Есенин занялся вопросами гоночара. Но вдруг он, как бы вспомнив что-то, оторвался от разговора с редакционными работниками и попросил меня, чтобы я завтра непременно зашел к нему в номер.

На следующий день я задержался с выпуском журнала и лишь к двум часам заглянул в редакцию «Зари Востока».

Есенин был уже там. Он небрежно подал мне руку, обернулся и быстро пошел к кабинету редактора.

Я заметил, что он пьян. Не дойдя до дверей кабинета, он вернулся и вплотную подошел ко мне. Глаза его блуждали, на щеках играл неестественный румянец. Он молча взял у меня из рук

* «Стансы» были опубликованы в газете «Заря Востока» 26 октября 1924 года.

3 ЗАПИСОК ПОДАВАВШЕГО НАДЕЖДЫ

меня, но и можешь послать меня ко всем чертям...

Я, не дочитав до конца, замаялся и замолчал. Мне было неловко напоминать ему о «Комсомолии», но когда я все же намекал ему об этом, он подошел ко мне вплотную и неожиданно выпалил:

— Ты — русский?
— Да, русский.

— Любишь русских?

Я пожал плечами и нерешительно ответил:

— Смотря кто эти русские.

Но Есенин настойчиво требовал прямого ответа:

— Нет, скажи, любишь русских?
— Русского рабочего люблю, — ответил я опять уклончиво.

Есенин, очевидно, вполне удовлетворил мой ответ, и он, обернувшись к кровати и показывая пальцем на «Комсомолию», хриплым, пропитым голосом проговорил:

— А чего же вы в «Комсомолию» насажали одних жидов?

Уничтоженный и пораженный таким оборотом речи, я стоял как вкопанный и молчал. Мне хотелось поскорее отделаться от него и не заглядывать сюда никогда. А Есенин как ни в чем не бывало развивал передо мной свою крестьянскую философию:

— А вот я не люблю рабочего. Я — мужик. Если я из окна увижу, что по улице идет буржуй, я скажу рабочему: пойдем набьем ему морду, а когда мы побьем буржуя, я скажу рабочему: иди, я тебя не люблю... Я — мужик...

В этих словах передо мной отчетливо встал весь духовный облик Есенина. И у меня осталось единственное непреодолимое желание — поскорее уйти от этого пьяного угара, от этого талантливого поэта и неисправного алкоголика.

ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ

Есенин лег на кровать и оттуда, показывая через голову на маленький столик, пробормотал:

— Возьми для своего журнала.

Я подошел к столу. На столе лежало в рукописях несколько стихов, очевидно, свежих еще.

Не трогая рукописи, я прочитал первое стихотворение:

Улеглась моя бывшая рана,
Пьяный бред не гложет сердце мне.
Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.

Это были «Персидские мотивы». В 1924 году, в наших условиях, в органе Закрайкома РКСМ, в комсомольском журнале — и вдруг стихи поэта-скандалиста, вдруг:

Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.

Нет, нет, избевайте от такой напасти, а то ребята зарызуют меня! И я начал кое-как отнекиваться. Я заявил Есенину, что наш журнал платит очень мало, но Есенин переспросил:

— А сколько вы можете?

Я ответил, что по пятерке за стихотворение. Есенин спокойно приказывает взять стихи и передать десять рублей Васке. Потом я сообщил, что они могут быть напечатаны не скоро. Есенин хладнокровно согласился и на это. Наконец я замолчал, а Есенин настойчиво:

— Бери, это — последние. Скоро я брошу все, сожгу свои стихи и буду пахать землю... К черту все!

В голосе Есенина звучала насмешка, я чувствовал, что он просто хитрит, притворяется. Мне начинал надоедать этот пустой разговор, и я собирался уходить, но Есенин, лежа на кровати, продолжал:

— Парень ты хороший, и стихи у тебя неплохие, но в Москву ехать не нужно... Сначала нужно левой ногой закрутить, взбудоражить всю Москву, потом ехать, а то пропадешь...

И он левой ногой стал выделять в воздухе разные фигуры.

Попросив его посидеть дома и больше беречь себя, я вышел. Стихи же его я намеренно не взял, потому что знал, что ребята будут против их напечатания. Васка раза два потом приходил за деньгами — очевидно, Есенин хорошо запомнил наш разговор, — но денег я Васке не дал.

Васка был неприятный избалованный мальчик лет пятнадцати. Есенин подобрал его на улице в Баку и потом везде и всюду таскал за собой.

С тех пор я перестал бывать у Есенина. Мы встречались очень редко, и я замечал при встречах, что он мной недоволен.

Последний раз мы виделись в Тифлисе в ресторане «Хемерин».

После работы я забежал пообедать в подвал ресторана и вижу: в глубине зала, за маленьким столиком сидит Есенин, перед ним большой графин водки. Я подошел к нему, мы сухо поздоровались. Он попросил официанта подать другую рюмку и закуски, а я заказал обед.

Пить с ним я категорически отказался. Не успел я оканчивать первое, как Есенин уже опорожнил половину графина. Он был изрядно пьян и, наливая в рюмку водки, как-то нехотя, с наивной обидой проговорил:

— А все-таки ты, Миша, скес...

Эта встреча особенно врезалась мне в память, потому что слово «скес» поразило меня своей неожиданностью. Оно как-то выпадало из словаря Сергея Есенина. Так, по крайней мере, мне тогда казалось.

Обозвал он меня скесом за то, что я не уплатил Васке тех несчастных десяти рублей. Я пробовал оправдаться и указывал, что деньги я сам ведь не имею права расходовать, но это не сгладило той натянутости, которая создавалась между нами.

С тех пор в Тифлисе мы ни разу не виделись. Только в апреле 1925 года, когда я был переведен на работу в Москву, я снова встретил Есенина, но это была мимолетная встреча.

МАПП устраивал большой литературный вечер под председательством Демьяна Бедного. Доклад делал Луначарский. Я только что приехал из провинции и был, что называется, «дикий», тем не менее я намеревался выступить на этом вечере и сделал бы это, если бы Жаров не отговорил меня. Я послушался его и решил не рисковать.

Народу собралось много. Колонный зал Дома союзов был переполнен. Я стоял у боковой двери и вдруг слышу поззиди, в прилегающей комнате, топот и шарканье будто сотни ног. Я оборачиваюсь и вижу: важно вышагивает Есенин, а вокруг него десятка два каких-то молодых людей, девушек и уже пожилых дам.

Когда Есенин поравнялся со мной, я выпалил прямо в упор:

— Здорово, Сережа!

Это у меня вырвалось как-то неловко, я просто обрадовался ему, но Есенин спокойно и холодно, по-солдатски повернулся всем туловищем ко мне, уперся глазами в мое лицо и, подавая мне руку, механически обронил:

— Здравсти...

Потом повернулся на носках и утонул в человеческой массе. Вся свита полезла за ним.

Мне было больно, что этого человека с таким огромным талантом окружает какая-то сюсюкающая и подхалимствующая орава, и смешным показалось бескровное «здравсти», брошенное этим взрослым талантливым ребенком.

Несмотря на его недостатки, я все же уважал его и любил, и в своем «Письме» к товарищам поэтам с Грозненских нефтяных промыслов писал:

И в золотые вёчера
Всё так ли бродит шум весенний?
Слыхал я, будто бы вчера
У вас повесился Есенин...
Какой позор! Какой изгнан!
Тоска немая сердце гложет.
Я, молюсь быть, пришло, друзья,
Стихи о солнечном Серёже.